УДК 327

Татьяна ПРОНИНА

ФЕНОМЕН «ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ» И ПОВОРОТ К «МЯГКОЙ» АССИМИЛЯЦИИ

Статья поступила в редакцию 18.02.2020

Аннотация: Статья представляет собой обзор теоретических дискуссий о содержании и форматах использования термина «параллельные общества» в научном дискурсе и политических дебатах об иммиграции. Ряд современных авторов, опираясь на предыдущие исследования по теме иммиграции (Чикагской социологической школы, Т. Мейера в Германии и др.) отмечают, что с термином связано немало негативных коннотаций, обусловленных фобиями перед исламским радикализмом. Некоторые исследователи категоричны в своих выводах: они считают данное понятие бессодержательным, лишь маркирующим страх определенной части европейского общества и предлагают отказаться от его использования. Большинство ученых, работающих в данной области, обратили внимание на неоднозначный характер сегрегации, лежащей в основе формирования «параллельных обществ», и на то, что она выступает для иммигрантов механизмом защиты от дискриминации со стороны мажоритарного общества и облегчает интеграцию в него. Также исследователи эмпирически подтверждают, что существует связь между ухудшением социально-экономических условий и ростом антииммигрантских настроений. Особый интерес представляет парадоксальный вывод о том, что иммигрантским общинам, в которых сильна роль религии и религиозных лидеров, не хватает общественных «параллельных» структур, обеспечивающих представительство интересов иммигрантов в основном обществе. У государств же нет органов, которые могли бы вести диалог с религиозными иммигрантскими организациями и оказывать влияние на пропаганду их образа жизни. В статье обращено внимание на тенденцию отказа от стратегии мультикультурализма и возврата к мягкому варианту ассимиляции и интеграции.

Ключевые слова: «параллельные общества», иммиграция, религиозная община, сегрегация, ассимиляция, интеграция.

© **Пронина Татьяна Сергеевна** – д.филос.н., главный научный сотрудник Центра религиозных и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. **Адрес:** 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. **E-mail:** tania_pronina@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен "параллельных" обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021151160>

Ситуация 2020 г. внесла свои болезненные коррективы в исследовательскую повестку, актуализируя в основном сюжеты с пометкой «пандемия». Эпидемия, по словам Бенджамина Браттона, профессора Калифорнийского университета, заставила осознать, что «все мы – единое и очень глубоко связанное целое», и «чтобы текущая ситуация не стала постоянной, нужно научиться мыслить глобально, а не локально»¹. «Каскад насилия» во Франции в октябре того же года заслонил эпидемический сюжет, заставив европейцев почувствовать, что война не где-то далеко, а здесь, рядом, и вернул общее внимание к «застарелым болезням». Пророческое утверждение Сэмюэля Хантингтона, что мы попали в «опасный исторический дрейф к столкновению между великими мировыми религиями» сбывается на наших глазах [Huntington, 2004]. По словам Ал.А. Громыко, концепция Хантингтона, «благодаря ходу событий, одержала верх над прогнозами Ф. Фукуямы» о всеобщем распространении либеральной демократии [Gromyko, 2020: 9].

Многие (не только аналитики, но и простые обыватели) склонны винить в происходящих событиях миграцию. Тема (им)миграции и интеграции – одна из центральных в политических дебатах и социально-гуманитарных исследованиях. Волны иммиграции второй половины XX века уже изменили этно-конфессиональный спектр многих европейских городов. Появление новых для стран континента религиозных направлений связано, в том числе, с процессами иммиграции. В религиозной общине (им)мигранты находят поддержку и «сообщество своих» – общие этнокультурные ценности, привычный языковой и бытовой контекст. Даже возможность употреблять традиционную еду, соблюдать привычные предписания, регламентирующие повседневную жизнь – это то, что (им)мигрантам доступно в общине. Религиозные организации оказывают единоверцам и социально-экономическую помощь.

Активность религиозных общин приводит к росту численности их членов. Усиление же роли религии в жизни иммигрантов становится одной из причин формирования «параллельных обществ», сегрегации иммигрантских сообществ. Феномен «параллельных обществ» изначально связан с мусульманскими общинами и практически не обнаруживает себя в среде иммигрантов-немусульман.

Термин «параллельные общества» активно эксплуатируется в дискурсе, связанном с темой иммиграции. Под этим понятием чаще всего понимают общины иммигрантов, добровольно воздерживающиеся от участия в социально-политической жизни новой страны. Исследователи, изучающие проблемы иммиграции, отмечают противоречивость процессов, связанных с феноменом «параллельных обществ», – происходит смещение от негативных коннотаций этого термина к изучению механизмов сегрегации, условий взаимодействия с мажоритарным обществом, определение различий между принудительной и добровольной сегрегацией.

Понятие «параллельные общества» в дискурсивной практике

Использование понятия «параллельные общества» актуализировали в политологических и социологических исследованиях М. Микус и Ф. Вальтер [Micus, Wal-

¹ Браттон, Б. 18 уроков карантинного урбанизма. 2020 URL: https://strelkamag.com/ru/article/18-urokov-karantinnogo-urbanizma?utm_referrer=https://syg.ma (дата обращения: 30.10.20)

ter, 2006]. Этот термин, который возник в Германии в связи с проблемами турецких гастарбайтеров, изначально маркировал негативные проявления иммигрантских сообществ: более высокий уровень бедности и безработицы, чем среди немцев и других иммигрантов, восприятие иммигрантов как людей более низкого социального статуса, сопротивление интеграции, формирование параллельных структур, заменяющих государственные в сфере суда и наказания, внутренняя угроза для демократии, исходящая от радикальных исламистских групп.

Еще до того как этот термин стал активно использоваться, В. Хейтмайер в 1990-х гг. писал об опасности распада общества под влиянием тяготеющих к окраинам иммигрантских общин. Анализируя статистику преступлений, совершенных молодыми турецкими иммигрантами, он делал вывод, что одна треть их связана с религиозными устоями¹. Фундаменталистские тенденции в исламе становятся основой добровольной сегрегации.

Термин «параллельные общества» давно пересек границы Германии². М. Микус и Ф. Вальтер, в свою очередь, использовали концепцию немецкого ученого Томаса Мейера, по мнению которого социальной группе должны быть присущи пять признаков, позволяющих говорить о формировании параллельного сообщества: 1. этнокультурная или религиозно-культурная гомогенность; 2. социальная сегрегация; 3. дублирование гражданских, политических институтов окружающего общества; 4. поселенческая сегрегация (когда значительная часть бытовых и других взаимодействий ограничивается своим сообществом); 5. сегрегация формально носит добровольный характер [Micus, Walter, 2006: 3; Meyer, 2002].

Критики понятия «параллельного общества» указывают на то, что в нем часто присутствует негативная маркировка, осуществляемая представителями «основного» общества³, и что это «отрицательно заряженный в обществе термин, связываемый с исламской угрозой» [Micus, Walter, 2006: 215]. Тогда как содержание этого понятия, считает К. Баде, довольно противоречиво, что усложняет его использование в научном дискурсе. Во-первых, замечает Баде, такие сообщества были бы возможны только при условии однородности основного общества, в то время как оно разнородно, постоянно меняется, вбирает в себя выходцев из других стран, культур. Во-вторых, в сегрегированных сообществах просто нет институтов, достаточных для автономной жизни, и сегрегация никогда не является полной и добровольной⁴.

К. Йоппке, который также критикует понятие «параллельных обществ», считает, что это не более чем воображаемый концепт, не имеющий аналога в реальности,

¹ Heitmeyer, W. (1996). Fuer tuerkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam einewichtige Rolle. Die Zeit. URL.: <http://www.zeit.de/1996/35/heitmey.txt.19960823.xml> (дата обращения: 12.05.2020)

² О проблеме существовании «параллельных обществ» в скандинавских странах: Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, Balt. Reg., Vol.12, no. 3, p. 55–71; в Швеции: Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, Balt. Reg., Vol.12, no 2, p. 84–99.

³ Bade, K. (2004). Zuwanderung wird als Bedrohung empfunden. Spiegel Online Kultur. URL: http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/0,1_518,329285,00.html (дата обращения: 23.10. 2020)

⁴ Ibid.

так как положение о гомогенности нации – это миф [Йорпке, 2008]. Само общество включает множество групп, разделяемых идеологиями, ценностями, культурными, религиозными различиями, исторически сложившимися стереотипами. Такой взгляд подрывает основания для активной операционализации понятием «параллельные общества», поскольку признает неизбежное взаимодействие и взаимопроникновение групп через культурную ассимиляцию, участие в общих институтах, смешанные браки и др. По мнению Йорпке, не существует сообществ, полностью изолированных от основного общества. Можно согласиться с мнением исследователя, что проблема получает лучшее освещение в общесоциологическом измерении. Демонизация же подобных сообществ умножает фобии, которые нередко не имеют под собой реальных оснований. По словам Баде, «параллельные общества» существуют в головах тех, кто их боится»¹.

Роль религии в формировании «параллельных обществ»

Религия играет важную роль в сохранении и воспроизводстве этнокультурной идентичности в иммигрантской среде. Уилл Херберг, один из создателей социологии религии в США, делал вывод, что часто иммигранты становятся даже более религиозными, чем были. Он рассматривал это явление как один из способов преодоления травмы иммиграции [Herberg, 1960]. Религиозность в данном случае обеспечивает преемственность по отношению к привычному образу жизни, системе ценностей, традициям. В инокультурном окружении острее переживаются культурные различия и возрастает потребность быть в сообществе «своих». Религиозность, таким образом, подкрепленная новыми стимулами, становится интенсивнее.

Херберг также отмечал, что для второго поколения иммигрантов религия становится важнее, чем для первого поколения. Например, на основе эмпирического материала он выявил, что во втором поколении при заключении смешанных браков все меньшую роль играют этнические различия, но значение религиозных различий сохраняется. Т.е. дети, посещая различные ассоциации, кружки, секции, общаясь со сверстниками в школе и т.д., неизбежно вовлекаются в процессы ассимиляции. При этом их религиозная идентичность, унаследованная от родителей, в большинстве случаев сохраняется, так как в наименьшей степени подвергается влиянию в образовательной и бытовой среде: «Новые иммигранты должны приобрести новый язык, развить новую лояльность и изучить основные принципы политической культуры, но они не обязаны менять свою религию» [Herberg, 1960: 22].

По словам Рафаэля Лиожье, профессора Института политических исследований в Экс-ан-Провансе, директора научного центра *Observatoire du religieux*, ислам представителей второго и следующих поколений разительно отличается от ислама их родителей. Он констатирует наличие конфликта «между прежним поколением мусульман, воспринимавшим ислам через призму своих этнокультурных особенностей, и современной генерацией верующих, которые нередко проявляют большую религиозность» [Liogye, 2014: 143]. По мнению профессора, нет конфликта цивилизаций и культур, есть конфликт поколений. Похожую ситуацию мы наблюдаем и в России: интенсивность религиозности (им)мигрантов существенно отличается в поколениях. По материалам интервью, собранным в 2019–2020 гг., мы фиксируем

¹ Ibid.

тенденцию, что приехавшие 15–20 и более лет назад выходцы из Средней Азии менее религиозны, чем приезжающие сегодня. Под их влиянием и предыдущие поколения становятся более религиозными [Pronina, Slivkina, 2020].

Следует заметить, что тезис Херберга, что иммигрант становится американцем, прежде всего, через религиозную общину, в применении к европейской реальности требует существенного пересмотра. В европейских странах заметна противоположная тенденция – именно участие в религиозной общине и рост религиозности иммигрантов под влиянием идей, распространяемых в общине, приводят к формированию замкнутых этнорелигиозных объединений – «параллельных обществ», члены которых реализуют модель добровольной сегрегации своего сообщества. Они находятся в оппозиции к окружающему миру и настроены враждебно к ассимиляции, универсализации их культурных и религиозных норм, обычаев. Как отмечает Норберт Ф. Петцль, «поскольку морально возмущенные молодые мусульмане отворачиваются от того, что они считают декадентской немецкой культурой, некоторые вынашивают чувство превосходства. В то время как их родители–иммигранты и бабушки с дедушками пытались ассимилироваться, по крайней мере внешне, некоторые молодые мусульмане намеренно выставляют напоказ тот факт, что они отличаются, нося строгую исламскую одежду на публике»¹.

В то же время Херберг и Хэндлин, много лет занимавшиеся темой иммиграции и признающие важную роль религии в иммигрантских сообществах, указывают на положительные моменты такого влияния – например на то, что религиозная вера помогает сохранить культурную преемственность и минимизировать психологические последствия травмы иммиграции. В 1920-х гг. представители Чикагской школы социологии делали вывод, что на первом этапе этнорелигиозные общины (в их терминологии – этнические гетто [Virt, 2015]) играют положительную роль в адаптации иммигрантов: предоставляют им информацию о новом обществе, его нормах и порядках, помогают пережить кризис идентичности, ведут переговоры с государственными и общественными структурами, представляя и отстаивая интересы и права иммигрантов. Именно представители этой школы первыми обратили внимание на феномен пространственной сегрегации в городах.

Социально-экономические условия сегрегации

Эмпирически подтверждена взаимосвязь между положением иммигрантов, иммигрантских сообществ и общими социально-экономическими условиями. Так, французский писатель, журналист и политик Э. Земмур на примере Парижа отмечает тенденцию, характерную для мегаполисов – социальную поляризацию и исчезновение средних слоев². В респектабельных районах с ограниченным доступом живет элита, а в нереспектабельных районах – люди, обслуживающие элиту, с низким доходом, готовые работать за маленькую оплату. В большинстве своем это первое и второе поколения иммигрантов. Возможно, Земмур излишне пессимисти-

¹ Норберт Ф. Петцль. Мусульмане в Германии. Жизнь в параллельном обществе. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/muslims-in-germany-life-in-a-parallel-society-a-547717-2.html> (дата обращения: 10.05.2019)

² Земмур Э. «Город богемы и иммигрантов». URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-03-25/Gorod-bogemi-i-immigrantov> (дата обращения: 5.05.2019)

чен в своих выводах: «Я думаю, что нынешняя ситуация, когда общины застывают, затвердевают, отделяются друг от друга на территории Франции, – это драматическая ситуация. Она приведет к повторению во Франции ситуации Ливана (где проживают враждующие религиозные общины – RFI) с перспективой гражданской войны между общинами, которым больше нечего сказать друг другу и которые столкнутся потому, что у них разные ценности и разные интересы»¹ [Zemmour, 2014]. Однако в аналогичном тоне написана книга «Иммиграция. Французская катастрофа» Маркуса Гравена, который проехал по нескольким городам Франции и также сделал малоутешительные выводы, среди которых, например, такие: «Французские города стали зонами физического и интеллектуального дискомфорта. Прогулки по ним все больше напоминают экскурсию во враждебную среду»².

Статистические данные подтверждают подобные опасения, не позволяя принять их за политический популизм. По данным Мишель Трибалат, изучающей уже в течение многих лет иммиграционные потоки и сообщества, на 2011 г. во Франции иммигранты в трех поколениях составляли почти 30% населения, из них 57,3% – выходцы из неевропейских стран, среди которых лидирует Африка (5,1 млн человек) [Tribalat, 2015]. Уже в 1999 г. иммигранты из стран Магриба, к югу от Сахары или турецкого происхождения стали преобладающими в целом ряде территорий парижского региона: Clichy-sous-Bois (16 км от центра Парижа) – 64%, Mantes-la-Jolie (57 км от Парижа) – 59%, Mantes-la-Jolie (23 км от Парижа) – 57%, Saint-Denis (окраина Парижа) – 56% и др., в трех районах Марселя [Frech, 2006]. По данным Национального института статистики и экономических исследований Франции, уровень безработицы среди иммигрантов в два раза выше (15%), чем среди неиммигрантов, а в среде иммигрантов он выше у выходцев из стран Африки (19–22%) и Турции (25%)³.

Схожие тенденции по отношению к Германии отмечает экономист и политик Тило Саррацин в книге «Германия: самоликвидация»: «Мы, немцы, не будем изгнаны со своей земли, мы просто потихоньку самоустранимся из истории в полном соответствии с закономерностями таблицы смертности Федеральной службы статистики»⁴. В статье Spiegel Online International, опубликованной в 2008 г., Нойкельн – район в Берлине, который называют «турецкой этнической колонией», признан одним из самых неблагополучных мест, – здесь половина жителей являются безработными, а уровень преступности с 1990 г. вырос в три раза⁵.

¹ Фрагмент интервью с Э. Земмуром. URL: <https://dknews.kz/evropa/iz-za-massovoi-immigracii-francia-stala-pohoza-na-stranu-tretego-mira.html>. (дата обращения: 3.05.2019)

² Публицист: из-за массовой иммиграции Франция стала похожа на страну третьего мира. ИноТВ: URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-10-13/Publicist-iz-za-massovoj-immigracii-Franciya>. (дата обращения: 10.05.2019)

³ Insee (Institut national de la statistique et des etudes economiques). (2012). «Situation sur le marche du travail». Spravochniki. Izdanie. 266 p. (obzor onlajn [arhiv]). Pp. 178–207.

⁴ Саррацин, Тило. (2016) Гл. 9: Мечта и кошмар. Германия через 100 лет // Германия: самоликвидация. URL: http://royallib.com/read/sarratsin_tilo/germaniya_samolikvidatsiya.html#0 (дата обращения 20 декабря 2018)

⁵ Норберт Ф. Петцль. Мусульмане в Германии. Жизнь в параллельном обществе. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/muslims-in-germany-life-in-a-parallel-society-a->

Не только журналисты, политики, но и исследователи усматривают тесную связь между ухудшением экономических условий и ростом антииммигрантских настроений [Potemkina, 2020: 106]. Результаты исследования, проводившегося в Британии в течение шести лет и направленного на выявление основных факторов, формирующих настроения ненависти и мотивирующих людей на насилие, показали, что ситуация существенно различается в динамично развивающихся регионах и населенных зонах, имеющих низкий экономический рост, неблагополучный социально-экономический климат.

При этом эксперты уверены, что снижение уровня иммиграции не приведет к снижению антииммигрантских настроений. Их вывод основывается на парадоксальном, на первый взгляд, наблюдении, что более высокий уровень таких настроений обнаруживает себя в районах, где меньше иммигрантов. Доклад иллюстрируется на примере двух районов. Один из них – это Гримсби – город и порт в графстве Линкольншир в северо-восточной Англии. Район в целом характеризуется упадком, вызванным уменьшением производственной базы, торговли и рыболовства. В южной части этого района 44% детей и молодежи живут в бедности. Несмотря на то, что в этом районе один из самых низких уровней присутствия иммигрантов, для которых он также не привлекателен из-за своего экономического упадка, здесь один из самых высоких уровней антииммигрантских настроений. В ходе бесед часто выдвигались в адрес иммигрантов обвинения в существующих социально-экономических проблемах: «Иммиграция стала тотемной эмблемой для многих обид, которые люди чувствуют в современной Великобритании», – сказал Ник Лоулз, главный исполнительный директор Hope Not Hate, во введении к докладу «Разделенная Британия»¹.

Другой район – это Касл, центральная часть Кембриджа, охватывает колледж Сент-Джонс и окружающий его процветающий жилой район. Уровень доходов и занятости местного взрослого населения является одним из самых высоких в стране, экономические проблемы практически отсутствуют. Здесь очень низкий уровень озабоченности жителей проблемами иммиграции, при этом численность чернокожих и этнических меньшинств составляет 42%².

К основным причинам сегрегации следует отнести факторы социально-экономического характера. М. Микус и Ф. Вальтер отмечают, что условия взаимодействия иммигрантов и принимающего общества имеют много недостатков, в результате чего даже третье поколение иммигрантов входит в новое общество не полностью. Они считают, что именно ухудшение условий интеграции вызывает недовольство в среде третьего поколения иммигрантов и способствует углублению сегрегации.

В «параллельных обществах» отсутствуют институализированные механизмы перехода в мейнстрим-общество. Микус и Вальтер пришли к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что для успешной интеграции, напротив, не хватает параллельных структур [Micus, Walter, 2006: 220]. Во многом они оказались правы. Из

547717-2.html (дата обращения: 10.05.2019)

¹ Divided Britain: study finds huge chasm in attitudes. Hope Not Hate. URL: <https://www.theguardian.com/society/2018/oct/17/divided-britain-study-finds-huge-chasm-in-attitudes> (дата обращения: 05.05.2019)

² Ibid.

иммигрантских кварталов сначала «ушла работа», затем, разумеется, ушли рабочие. В результате, перестали существовать различные организации, профсоюзы, которые объединяли рабочих, эффективно представляли и отстаивали их интересы во взаимоотношениях с властью. Организации ушли, но проблемы остались. Гнев и процессы отчуждения некому артикулировать внятно, поэтому они выливаются в «слепую ярость разрушения».

Микус и Вальтер справедливо отмечают, что не было уделено должного внимания тому обстоятельству, что общественные организации – это непривычный формат консолидации для иммигрантов-мусульман. В общинах авторитетом обладают религиозные лидеры. Имамы же, не имея учебных заведений в европейских странах, обучаются в Турции, Египте, Саудовской Аравии. В результате, прибывая в Европу, они оказываются чужды местному обществу. Нередко они даже не знают языка страны и не могут представлять общину внешнему обществу. В результате их деятельность работает на еще большую замкнутость и добровольную сегрегацию. Молодежь оказывается под влиянием арабских интернет-сайтов, приезжих проповедников, которые, как правило, имеют радикальный антизападный настрой.

Таким образом, религиозные организации не смогли эффективно заменить политические и профсоюзные структуры в решении социально-экономических вопросов. Государства же не уделяли должного внимания этой стороне жизни иммигрантов, тому, что религия в их жизни играет важную роль. На примере Германии Микус и Вальтер констатируют, что у государства даже нет централизованного органа, который бы мог вести адекватный диалог с мусульманскими религиозными организациями, оказывать влияние на их пропаганду. У иммигрантов же не существует парламентского представительства, которое доносило бы их озабоченности до общественности. По словам Р.Н. Лункина, «гражданские и религиозные требования части мусульманского населения Европы» ставят новые задачи перед европейскими правительствами [Lunkin, 2020: 8].

В Предисловии к книге «Иммиграция и интеграция» Зигфрид Фрех пишет, что «волны иммигрантов» обогатили Германию своим потенциалом, но и создали целый ряд серьезнейших проблем, что заставило политические институты Германии вернуться к политике, ориентированной на интеграцию. Но авторы сборника признаются, что это непросто реализовать в условиях уже существующих «параллельных сообществ», на добровольной основе проводящих демаркацию с мажоритарным обществом [Frech, 2006: 202].

Политика интеграции: поворот к «мягкой» ассимиляции

Прежняя политика ассимиляции оказалась «сломанным сенсором», по выражению Б. Браттона, которое он использовал при описании сбоя социальных систем в период карантина. Его метафора «Города с неразвитым «сенсорным слоем» становится общим знаменателем и под провалами либерально-демократического курса в отношении иммигрантов-мусульман. И политики, и исследователи все более признают мультикультурализм, «дифференциалистский поворот» [Р. Брубейкер, 2012] неудачной стратегией. «Банкротство неолиберальных идей в политике и экономике, считает Ал.А. Громыко, стало очевидным к началу 2020-х гг.» [Gromyko, 2020: 16]. Происходит сдвиг в пользу «мягкой» ассимиляции иммигрантов с культурой и институтами основного общества. Невозможно делать выводы, обобщающие для

многих стран, в силу разного опыта соприкосновения государств с этнорелигиозным разнообразием. Однако большинство исследователей признают, что существуют общие реакции на такое разнообразие, и они вписываются в две основные стратегии, устанавливаемые главными игроками Евросоюза: мультикультурализм и интеграция. Во всяком случае, как констатирует К. Хилл, у сторонников обоих подходов проявляется отказ от противостояния самой реальности с ее очевидно изменившимся социальным составом [Hill, 2013: 96].

Выводы

Теоретические дискуссии о содержании понятия «параллельные общества» и обзор его использования в политических дискурсах обнаруживают, что термин приобрел негативные коннотации, которые преобладают и в основном связаны с фобией перед исламским радикализмом. Имеются и положительные характеристики, которые исследователи связывают с возможностями адаптации иммигрантов, когда пребывание в привычном этнокультурном контексте общины смягчает столкновение с новым обществом. Однако исследователи единодушны в том, что сегрегация, лежащая в основе формирования «параллельных обществ», имеет двойственный добровольно-принудительный характер. Основные причины возникновения таких объединений имеют социально-экономическую природу. При значительной роли религии в сегрегированных сообществах, когда она выступает эффективным механизмом преодоления травмы иммиграции, недовольство получает религиозную артикуляцию, возникает опасность радикализации ислама.

Формируя параллельные структуры права, этнический бизнес, инфраструктуру, делающие их существование самодостаточным, «параллельные общества» становятся контробществами внутри страны, создавая условия для конфликта с принимающим государством. Существующая же политика интеграции требует пересмотра как своих концептуальных оснований, так и конкретных способов ее реализации.

Список литературы

- Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва. 408с.
- Громыко Ал.А. (2020) Метаморфозы политического неолиберализма. *Современная Европа*. № 2. С. 6–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220200619>.
- Вирт Л. (2015) Гетто. *Чикагская школа социологии*. Сб. переводов. Москва. С. 107–165.
- Лункин Р.Н. (2020) *Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество: монография*. Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. ИЕ РАН: Изд-во Нестор-История, Москва. 504 с. DOI 10.15211/9785981631559.
- Потемкина О.Ю. (2020) Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе. *Современная Европа*. № 2. С. 100–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110>.
- Лиюже, Р. (2014) Миф об исламизации. Европа как лаборатория модернизации ислама. *Россия и исламский мир*. 2. С. 142–149.

References

- Brubaker, R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Moscow. 408p.
- Gromyko Al.A. (2020) Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma [Metamorphoses of Political Neoliberalism]. *Sovremennaya Europa*. No 2, pp. 6–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220200619>.
- Virt, L. (2015) Ghetto. *Chikagskaja shkola sociologii*. Sb. perevodov. Moscow, pp. 107–165.
- Lunkin R.N. (2020) *Cerkvi v politike i politika v cerkvjah. Kak sovremennoe hristianstvo menjaet evropejskoe obshchestvo: monografija* [Churches in politics and politics in churches. How modern Christianity is

changing European society: monograph]. Federal'noe gos. bjuzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut Evropy Rossijskoj akademii nauk, Centr po izucheniju problem religii i obshhestva IE RAN. IE RAN: Izd-vo Nestor-Istorija, Moscow, 504 p. DOI 10.15211/9785981631559.

Potemkina O. (2020) Mnogourovnevoe upravlenie migracij v Evropejskom sojuze [Multilevel Governance of the EU Migration Policy]. *Sovremennaya Evropa*. No 2, pp. 100–110.

Frech, Siegfried (2006) Vorwort. *Zuwanderung und Integration*. Herausgegeben von der Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg.

Herberg, W. (1960) *Protestant, Catholic, Jew: An Essay in American Religious Sociology*. Revised edition. Garden City, Anchor Books. New York.

Hill, Christopher. (2013) *The National Interest in Question: Foreign Policy in Multicultural Societies*. Oxford University Press. 332 p.

Huntington, Samuel. (2004) *Who are We? The Challenge to America's National Identity*. New York.

Joppke, C. (2008) Civic Integration to Beat the Parallel Society? *The Decline and Rise of Public Spaces*. International Hertie School of Governance Conference. October.

Liogye, R. (2014) The myth of Islamization. Europe as a laboratory for modernizing Islam. *Rossija i musul'manskij mir*. 2, pp. 142–149.

Meyer, T. *Parallelgesellschaft und Demokratie* (pdf). (2002) Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/akademie/online/50368.pdf> > (accessed: 09.05.2019)

Micus, M., Walter, F. (2006) Mangelt es an «Parallelgesellschaften»? In: *Zuwanderung und Integration*. Heft 4, pp. 215–221.

Pronina, T.S., Slivkina, V.A. (2020) Migrazione nella Russia moderna: il percorso verso una nuova realtà sociale. *Religioni e società*. Pisa – Roma. Anno XXXV-97 Maggio-Agosto, pp. 101–110. DOI: 10.19272/202031302011.

Tribalat, Michèle. (2015) Une estimation des populations d'origine étrangère en France en 2011. *Espace populations sociétés*. 1–2. URL: <http://journals.openedition.org/eps/6073> (accessed: 10.05.2020)

Zemmour, É. (2014) *Le Suicide français*. Albin Michel. 534 p.

“Parallel Societies” and a Turn Towards Soft Assimilation

Received 18.02.2020

Author: Pronina T. Doctor of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad State University Pushkin. **Address:** 10, Street, Petersburg highway, St. Petersburg, Russia, 196605. **E-mail:** pushkin@lengu.ru

Abstract. The article presents an overview of theoretical discussions about the content and formats for the use of the term “parallel societies” in social and humanitarian discourses and political debates on immigration. Based on the previous immigration studies (of the Chicago sociological school, T. Meyer in Germany, etc.), a number of authors point out negative connotations associated with this term due to phobias of Islamic radicalism. Other researchers propose to abandon the term “parallel society”. They insist on the hollowness of this concept, which just reflects the fears of a certain part of European society. However, the majority of specialists pay attention to the ambiguous nature of segregation as the basis for the development of “parallel societies”, acting for immigrants as a protection mechanism against discrimination and facilitates their integration. Furthermore, the researchers provide empirical evidence of a link between the deterioration of social and economic conditions and the growth of anti-immigrant sentiment. The study highlights the paradoxical conclusion that immigrant communities with a strong influence of religion lack public “parallel” structures that represented their interests in the majority society. Meanwhile the states do not have the appropriate tools to establish a dialogue with religious immigrant organizations and to oppose the promotion of their life style. In conclusion, the article emphasizes the growing tendency to abandon the strategy of multiculturalism and return to a soft variant of assimilation and integration.

Keywords: parallel societies, immigration, religious community, segregation, assimilation, integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12021151160>